

У Т Р Е Н Н Я Я
З В Ъ З Д А,
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
АЛЬМАНАХЪ,

СОСТАВЛЕННЫЙ ИЗЪ СОЧИНЕНИЙ

Дмитрія Сигова.

Взойди моя звезда
На Литературный горизонтъ;
Въдь тебѣ Полярная — сестра,
И другъ — милый Аполлопъ.

— ❁ —

МОСКВА.
Въ Типографіи Н. Степанова.
При Императорскомъ Театрѣ,
1831.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ пѣмъ, чшобы по напечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, 1851 года, Марта 31 дня.

Ценсоръ *Сергей Аксаковъ.*

ПОСВЯЩАЕТСЯ

МОИМЪ ДРУЗЬЯМЪ.

Надѣюсь, милые Друзья,
А изъ васъ есть многіе Прозанки, Поэты,
Что моя Утренняя Звѣзда
Освѣтитъ ваши кабинеты.
Дружба долгъ священный,
И для дружескаго сердца драгоцѣнный;
А потому и я себя счастливейшимъ почту,
Когда вы благосклонно примите мою Звѣзду.

Дмитрій Сизовъ.

П Р О З А.

I.

СУЖДЕНІЕ ОБЪ АЛЬМАНАХЪ.

(СЦЕНА ВЪ КАБИНЕТЪ АВТОРА).

Авторъ и Друзь его. Авторъ. И такъ, мой другъ, я хочу издашь книгу.

Друзь. Какую?

Ав. Въ ней помѣсится все, что только выходитъ изъ подъ моего пера!

Др. Какъ! вы хопите издашь свои сочиненія?

Ав. Да — на то походить; но только подь одною извѣсною формою.

Др. Чшожь! Вы назовете ихъ переводами?

Ав. Какъ! переводами свои сочиненія? За чѣмъ это? Опъ чего? Почему?

Др. Такъ, чшожь вы сдѣлаеше? Я думаю шакъ, ибо въ нашей Липературѣ это весьма часто случается.

Ав. Какъ! чшобы свои сочиненія называть переводами? Помилуй! чшо въ эшомъ пользы!...

Др. Знаю, чшо никакой нѣтъ; но это шакъ водипся! Взгляните на многія Русскія книги подъ названіемъ: сочиненія и переводы въ стихахъ и въ прозѣ; шакже на нѣкошорые наши Журналы — въ нихъ все переводныя шашпы, и какъ будшо Русскихъ нѣтъ и небывало!

Ав. Да, это случается!... Но къ шати о Журналахъ! Чшаеше-ли вы Телескопъ

и Молву (*подаетъ ему сіи Журналы*)? Порядочные Журналы, и кажешся Московскій журнальный Парнасъ не много проигралъ пошерю своихъ: *Вѣстниковъ*, *Атенеевъ*, *Галатей*, и.... Богъ съ ними! объ нихъ и по Молва безъ умолку поѣшь.

Др. Эшь книжки я уже чипаль—хороши пока!

Ав. А взгляните на Пешербургскій рой! (*показываетъ куту Журналовъ*) Эй, эй! вѣдь эшо много! А наши Журналисты все не переспаюшь намъ толковать, что наша Липерашура въ пеленкахъ!... Нѣшь они насъ миспификуюшь, и я предвижу что наша Липерашура скоро выйдешъ уже на бой съ Французскою!... Да и взгляните на нашъ Пешербургъ: вѣдь онъ уже и шеперь, чушь, чушь, не Парижъ по Журналамъ! Нынче въ Пешербургъ всѣ

словесники, и старые и молодые, и молодые и старые, всѣ Журналисты!...

Др. Тѣмъ лучше для насъ Русскихъ; это показываетъ, что мы любимъ просвѣщеніе!... Я недавно читалъ Указъ, которымъ повелѣно во всѣхъ Губернскихъ городахъ издавать газеты; это развѣ не есть также доказательство, что наше просвѣщеніе быстро разливается по всѣй Россіи, и разливается еще опъ кудовъ? Съ Престола Нашего Монарха!... Это уже драгоцѣнно!...

Ав. О! объ этомъ ни слова—что хорошо, то хорошо!... Но я говорю о Журналахъ, и люблю говорить о нихъ всегда, вездѣ и со всякимъ человѣкомъ.

Др. Вы вѣрно уже очень ихъ уважаете?... Но вспомните, сколько опъ нихъ иногда случается скуки!

Ав. О скукъ ни слова! Гдѣ ее нѣтъ? Она вездѣ есть, и я найду мѣста, надъ копорыми досыта назѣваешся и въ сочиненіяхъ: Пушкина, Жуковскаго, Булгарина, Загоскина и.... найду часы, въ копорые бываешъ скучно даже и на балѣ! А что касается до уваженія къ Журналамъ, то я ихъ и не очень уважаю и, шѣмъ болѣе, почти никогда не пренебрегаю.... Они для меня сдѣлались всѣ равны достоинствомъ опъ пословицы: нѣтъ худа безъ добра, и добра безъ худа; а попому въ одномъ чипая палемику смѣюсь, а въ другомъ дерзкія рецензіи, на сочиненія заслуживающія вниманія, сожалью болѣе о рецензентѣ, что онъ невѣжда, нежели объ Авпорѣ. И такъ я вамъ могу сказать ушвердительно: что всѣ Русскіе Журналы для меня хороши, ибо

у всѣхъ у нихъ одна цѣль — разпроспра-
нять просвѣщеніе, а это и вы сей часъ же
называли драгоцѣннымъ!

Др. Во всемъ съ вами я согласенъ! —
Но взгляните, кто ихъ издатели?

Ав. Объ этомъ ни слова!... Мы съ по-
бой, можешь быть, и учены, но не имѣ-
емъ еще счастья быть предсавителеми
нашего просвѣщенія, а потому намъ и
оспаешся желать имъ равнаго успѣха на
ихъ поприщѣ.

Др. Ваша правда.... Но у насъ съ вами,
кажешся, до этого былъ разговоръ о ва-
шихъ сочиненіяхъ?

Ав. Помню! и я уже рѣшился ихъ из-
дать!

Др. Но скажите — подъ какимъ назва-
ніемъ?

Ав. Какъ бы вы думали?... Вѣдь.... вѣдь Альманахомъ!

Др. Что вы! — Шупшите!

Ав. Повѣрше! (*подаетъ рукопись*) вопъ и рукопись!

Др. Какъ! Въ самомъ дѣлѣ!... Но вспомните, что сколько будешъ о семь Журнальнаго крику... и вы на это рѣшились?

Ав. Знаю, знаю, что наши Журналы всѣхъ больше нападаютъ на Альманахи; но мой будешъ совсѣмъ въ другомъ родѣ — онъ изъ однѣхъ моихъ сочиненій!

Др. Тѣмъ хуже! Никакія уже знаменія имена васъ не защитятъ, а всѣ Журнальныя стрѣлы будутъ падать на однихъ васъ.

Ав. Пустое! Не бойтесъ за меня — я со всѣми справлюсь! — А впрочемъ вспом-

ните, что нѣгдѣ сказалъ нашъ знамени-
 шый Баснописецъ *Крыловъ*:

„Завистники на что ни взглянуть,
 „Подымунтъ вѣчно лай;
 „А ты себѣ своей дорогою ступай:
 „Полаютъ, да опешаунтъ.“

Др. Увидимъ. — Но скажите, что васъ
 понудило назвать свои сочиненія Альма-
 нахомъ?

Ав. Я слѣдую модѣ! Нынче, пока еще
 не опошла мода въ нашей Словесности
 на альманахи, а потому и я свои сочи-
 ненія подчинилъ вкусу моды!

Др. Забавникъ! Да и названіе Альмана-
 ху даль куріозное!

Ав. А почемужь вы это такъ разу-
 мѣете? Разсмотрите по внимательнѣе
 смыслъ словъ: *Утренняя Звѣзда*? Это

значить, по глубокому изслѣдованію Фило-
софовъ и по собственному Русскому умо-
зрѣнію — вещь представленная въ са-
момъ начальномъ видѣ, а попому сіе и
можетъ послужить мнѣ доказательствомъ,
что я даже и въ названіи своихъ сочине-
ній руководствовался самою строгою
скромностію, и не придумывалъ какого
нибудь громкаго названія, подобнаго: Цвѣ-
шамъ, Радугѣ, Метеору, Альціонѣ, и.... эй
эй! забылъ все названія нашихъ громкихъ
альманаховъ.

Др. Ну, такъ — у васъ на все есть
доказательства! Но скажите еще: почему
вы не вздумали издашь свой Альманакъ
въ Январѣ? Въ этомъ мѣсяцѣ, бывало,
прежде на весь годъ выходили альманахи,
и шопъ считалъ себѣ за величайшій

спыдъ, если чей Альманахъ запоздаешъ до Февраля.

Ав. Вы забыли изрѣченіе нашего писателя: »другія времена, другіе нравы!« Прощу сего не забывать и помнишь также и мое: другія времена, другія моды!... — это всякой знаешъ. Вопрь видите опъ чего и я не послѣдовалъ старой моды — издашь свой Альманахъ въ Январѣ! Да и шо надобно сказать, что въ прежнія времена, начиная опъ Полярной Звѣзды, до появленія нашего Журнала, сколопившагося въ шесть Альманаховъ, точно была мода издавать ихъ всегда въ Январѣ, ибо тогда шолько ихъ чипали и покупали въ Январѣ; но нынче, со времени шести-книжечнаго Альманахъ-Журнала, начали издавать ихъ во всѣхъ первыхъ шести мѣсяцахъ до Юля, а слѣдовашель-

но когда ихъ издаютьъ, то покупаютьъ и читаютьъ!

Др. Да, да, да! Вы слѣдуете все по модѣ!

Ав. Точно такъ! я еще давеча вамъ сказалъ, что свой Альманахъ подчинилъ вкусу моды!

Др. Да, шеперь я догадался, почему у насъ нынѣ начали издавать много Альманаховъ.

Ав. И дай Богъ болѣе.—Нынѣшніе Альманахи, пока еще не почищаются за Календари, или какіе нибудь ежедневные газетные листки; но просто за просто—за книги читающіяся всегда!

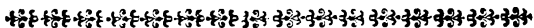
Др. Но позвольте спросить: скоро ли вы свой Альманахъ напечатаете?

Ав. Сегодня же въ Цензуру! а черезъ

недѣлю вы будете имѣть, можешь быть,
удовольствіе читашь его уже въ печати,
и о немъ Журнальныя литературныя по-
пѣхи!

II.

ВИЗИТЫ ВЪ НОВЫЙ ГОДЪ.

(КАРРИКАТУРНАЯ СОВРЕМЕННАЯ СЦЕНА).

Вельможа, сидитъ у себя въ гостиной, пьетъ кофей и гугаетъ газеты. Ахъ, какой прекрасной кофей! давно я шакого не пиваль. (Смотритъ на газету). Эша спашья — глубина полипики!... Охъ, эши Французы... (Входитъ Камердинеръ его и подаетъ нъсколько визитныхъ билетовъ). Эшо опть кого? Ба! (разбираетъ билеты) чпожъ. Графиня Лельская меня забыла, да и Бнязь

Бирюлькинъ поже.... или они еще не вспали, но кажешся пора (*смотритъ на тасы*).

Камердинеръ. Ваше Сіяпельство, не прикажете ли впускать прїѣхавшихъ къ вамъ господъ?

Вельм. Много ли ихъ?

Камер. Около десятии человекъ.

Вельм. Рано еще.... пусть соберется по болѣе!... Да чьи фамиліи?

Камер. Кажешся всѣ служащія у васъ на особыхъ порученіяхъ.

Вельм. Послушай! когда Князь Свищовъ заѣдетъ, то шепни ему, чтобъ прїѣхалъ въ пять часовъ вечера; Гремушкину и Правскому скажи, чтобъ въ семь часовъ; прочимъ говори, что еще не одѣлся, или одѣвается.

Камер. Слушаю-сь! (*хочетъ идти*).

Вельм. Послушай! билешы же приноси-
ше ко мнѣ не медленно.

Камер. Очень хорошо! (*Уходитъ*).

Вельм. разбирая билеты. Какъ шакъ,
опъ шебя билешъ! а чшобъ шакое значи-
ло — самъ не хотѣлъ пожаловашъ? (*За-
мѣгаетъ билетъ и кладетъ въ сторону*)
Князь поскупился — билешъ очень ду-
ренъ.... Графиня щеголяешъ — люблю!...
На эшомъ липеры не хороши.... Вопъ по-
восшь и шы не вздумалъ! (*откладываетъ
билетъ*) Эшо опъ кого? — Не знаю....
Вопъ эшопъ настоящей Французскій! и
эшопъ поже и весьма красивые!... (*Вхо-
дитъ слуга и подаетъ билетъ*).

Слуга. Опъ Его Сіашельства Князя
Фисшова. (*Уходитъ*).

Вельм. Изрядный! но хуже прошлогод-
няго помнишся....

Камер. *входитъ.* Опъ Княгини Чванкиной!

Вельм. Ахъ, это богатѣйшій! но съ кѣмъ прислала?

Камер. Съ своимъ дворецкимъ.

Вельм. Не пріѣхалъ ли кто позначишельнѣе?

Камер. Только что сей часъ—Оберъ-Секретарь изъ Департаменша.

Вельм. И полько?

Камер. Еще опкупщикъ Многодавовъ.

Вельм. Проси его сюда, и за нимъ всѣхъ по старшинству.

Камер. Слушаю-сь! (*Уходитъ*).

Вельм. *встаетъ, нюхаетъ табакъ, протирается платкомъ и подходитъ къ зеркалу.* Новый годъ!... Вошь что значить Новый годъ!... Странное заведеніе!...

Откупщикъ, входитъ.

Вельм. Ба, ба, ба!...

Откуп. Ваше Сіяшество! съ глубочайшимъ моимъ почпеніемъ и великимъ удовольствіемъ, честь имѣю поздравить васъ съ наступившимъ Новымъ годомъ и искреннѣйше желаю оный препроводить съ новыми удовольствіями! (*Вынимаетъ пакетъ и кладетъ на столъ, потомъ откланивается и выходитъ*).

Вельм. въ то время, когда Откупщикъ отходитъ. И васъ также поздравляю и благодарю, что меня не забыли! (*Садится и прячетъ пакетъ въ столъ. Между тѣмъ входитъ нѣсколько особъ, одинъ за другимъ*).

Первый, шаркаетъ ногами и кланяет-

ся. Съ восторгомъ чувства моего имѣю счастье поздравить Ваше Сіапельство съ наступившимъ Новымъ годомъ и сердечно желаю оный встрѣпить и препроводить съ новыми удовольствіями. (*Вынимаетъ пакетъ и кладетъ на столъ. За симъ слѣдуютъ одинъ за другимъ и всѣ съ приличными своими complimentами поздравляютъ, шаркаютъ ногами, кланяются и кладутъ пакеты на столъ, а потомъ выходятъ*).

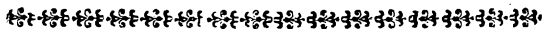
Вельм. Одинъ, разбирая пакеты. Нынче, что-то очень тонки.... али.... гмъ, гмъ! (*нюхаетъ табакъ*).

Камер. *входитъ.* Графъ Пустошкинъ пріѣхалъ!

Вельм. Въ самомъ дѣлѣ! (*вскакиваетъ и бѣжитъ встрѣтить*).

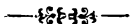
Камер. указывая на пакеты. Если бы эшь вещи были въ госпиной какого нибудь Секретаря, то всякой бы ихъ назваль — взяшками; а у моего Князя эшо сюрпризы — чесный человекъ!
(*Уходитъ*).

III.

ПРОГУЛКА ВЪ НЕСКУЧНЫЙ САДЪ СЪ ТЕАТРОМЪ (*).

»Ахъ, Боже мой! какъ вы долго отды-
хаеше!« сказалъ мой другъ, Любославскій,
входя ко мнѣ въ мою спальню, въ 5 ча-
совъ дня, въ мѣсяцъ Юнѣ.

— Помилуйте! я шолько что сей часъ
откушалъ и прилегъ отдохнуть!

— Какъ! вы развѣ не намѣрены быть
сего дня въ Русскомъ спектаклѣ?

(*) Это одна сцена изъ описаній Романтиче-
скихъ прогулокъ по окрестностямъ Москвы.

— Пошелъ ты съ своими спектакля-ми.... да и скажи, что тебѣ за охота пыхтѣть и зѣвать съ 6 до 12 часовъ въ Театръ? Я хочу лучше въ это время насладиться вольнымъ воздухомъ въ какойнибудь роцѣ, чѣмъ дремать въ креслахъ въ нашемъ исполнскомъ хаосѣ и, смотря на ламповый свѣтъ, зѣвать, опъ нечегодѣлать, въ нашихъ чрезъ чуръ длинныхъ аншрактахъ.

— Да вы читали ли сегодняшнюю аффишу?

— Не читалъ! и закаялся читать, послѣ длиннаго и скучнаго спектакля въ бенефисъ N. N., до Августа!

— Такъ вопъ тебѣ аффиша! прочти, въдь сегодня не въ Большемъ Театрѣ!

— А если въ Маломъ, то еще хуже: шамъ надобно....

— Да скажи! что тебѣ такъ опрошители наши милые Театры? Неужели какая нибудь бульварная или загородная прелестница дала тебѣ такую шему, чтобъ ты въ наши лѣтніе спектакли совершенно забывалъ восхищаться прелестнымъ пріемъ... или ты хочешь вздыхать и звать по Вершеровски, смотря на высокія сосны и березы, или восхищаться, невосхищительнымъ, обыкновеннымъ закашомъ солища, или....

— Остановись, остановись! вы заврались и, кажется, уже чрезъ чуръ!

— Такъ прочти же аффишу — вѣдь нашъ Театръ перенесся въ Нескучный садъ!

— Какъ! что ты говоришь?... Въ самомъ дѣлѣ!... Ахъ, ѣдемъ сей часъ же!... Но скажи, что за причина такового небывалаго перехода? И хорошо ли тамъ

сдѣлано: если на чемъ сидѣшь, слышно ли что, видно ли..?

— Все, все, это черезъ полчаса увидимъ, узнаемъ и если хорошо, то на вѣрное—насладимся и проведемъ весьма пріятно нынѣшній вечеръ!

Я велѣлъ закладывать лошадей, а между тѣмъ приказалъ подать кофею. — Напившись кофею, мы въ $5\frac{1}{2}$ часовъ уже переѣзжали нашъ исполинскій каменный мостъ, и чрезъ нѣсколько минутъ наши экипажи остановились у подъѣзда въ Нескучный. Подѣхавши къ саду, съ перваго взгляда, я почувствовалъ уже какое-то удовольствіе: ибо прежнее грязное у воротъ мѣсто было вымощено досками, и около сада спояло премножество экипажей; а вошедши въ него, я совершенно увѣрился, что нынѣшній вечеръ у меня

не будетъ потерянь. Первому моему взору бросилась темная аллея, прежде заросшая, а теперь вычищенная и усыпанная пескомъ. Другъ мой меня поронилъ иди скорѣе, ибо отдаленный громъ музыки давалъ знать, что скоро начнется спектакль. Мы почти побѣжали, и я воображалъ себѣ, чтобъ намъ, перебѣгая чрезъ рвы, на гнилыхъ бывшихъ мостикахъ не обрушиться; но мой страхъ былъ тщешень: ибо подбѣгая къ одному такому мостику, я увидѣлъ, что онъ былъ сдѣланъ новый, слѣдовательно, думалъ я, въ самомъ дѣлѣ здѣсь гулянье будетъ не на шутку, въ чемъ также меня увѣряли и бѣгущіе предъ нами и за нами любители, какъ мы же, Драматургіи или Драмалогіи, и увеличивающійся спукъ подѣзжающихъ экипажей.

Нашъ галопъ продолжался около пяти минутъ, и наконецъ мы, запыхавшись и почти уславши, очутились на прелестной полянѣ, на которой увидѣли, къ удивленію своему, величайшее непокрытое зданіе. Эшо былъ Театръ, устроенный во вкусъ новой гопической архитектуры, по планамъ нашихъ сценическихъ Архитекторовъ, Механиковъ, Режисеровъ и — что мудренаго — Актеровъ съ товарищи.

Я хотѣлъ было описатьъ внутренность сего величайшаго зданія, но, къ сожалѣнію моему, она уже извѣстна публикѣ по описанію, и даже по вымѣрянію, нашего опличнѣйшаго писателя, Поэта Прозаика, вишійспивующаго и прославляющагося на Парнасъ Московскихъ Вѣдомостей! А пошому я, оставляя сіе алгеологическое

описаніе, скажу полько-то, что мы уже вошли въ Театръ и сидѣли, вмѣсто предполагаемыхъ кресель, на зеленыхъ скамьяхъ. Билеты у моего друга были взяты, какъ для себя, такъ и для меня, еще до обѣда въ Конторѣ Театра, а потому мы и попали въ первые ряды зеленыхъ скамеечекъ.

Спустия не много времени началось и представленіе. Для открытія представлень былъ водевиль... не упомяну какой. *Щепкинъ* въ ономъ игралъ и пѣлъ, и пѣлъ и игралъ, съ музыкой и подь музыку, и подь музыку, и съ музыкой.... Кажешся былъ и *Сабуровъ*.... но что мнѣ до нихъ.... Такимъ образомъ наслаждаясь пріятною игрою, я не забылъ и своей привычки: осмотрѣвъ въ трубочку всѣхъ зрительей, а болѣе зрительницъ. Произво-

дя такія маневры, вдругъ мои глаза остановились на одномъ редушѣ... и гдѣбъ вы думали, почтеннѣйшіе чипашели?—Весьма не далеко, по есть на одной ложѣ, въ которой сидѣла одна персона женскаго рода! Эта персона, изволише видѣть, была мнѣ не безызвѣстна, а потому я и почель себя за долгъ спутешествовать въ ея резиденцію! — Хомя мое путешествие и не споль блестящее, какъ у Г. *Булгарина* въ его описаніи: изъ райка въ прешій ярусъ ложъ, по все таки могу сказать, что было путешествие и немаловажное.

Кажешся въ спектакль былъ уже антракшъ, ибо Любославскій шепталь мнѣ, что пора впрохладиться лимонадомъ. — Прошу извинить меня, если я не помню: былъ ли это антракшъ или тяпулась еще

піеса—я быль заняць или лучше сказаць, какъ будпо уже лепшль въ резиденцію обворожившую мои чувства.—Мы вышли изъ Театра, выпили по спакану лимонада, и я рѣшился опвязацься опъ своего друга, сказавъ ему, что хочу идши осмопрѣшь садъ; но опъ мнѣ спаль пропи-вишься и звалъ меня доглядѣшь спектакль, ибо ему уже слышалось, что началось представленіе. Послѣ нѣкошорыхъ маленькихъ переговоровъ, я съ Любославскимъ разстался, и опъ пошелъ, почти на меня разсердясь, какъ водихся дружески — шупочно, досмашриваць спектакль, а я... а я... полешль къ своему предмету....

Вбѣжавши опромешью, по маленькой лѣсенкѣ, въ каридоръ ложъ, я вдругъ остановился и невольпо вздрогнулъ. Эша

робость отъ чегожь?—Неужели Графиня разсердился?—Но вопшь уже моя дрожжащая рука отворяеть дверь въ ложу, и.... я.... взошелъ.—Мое нечаянное вспуленіе привело въ смущеніе Графиню и она не много покраснѣла. Послѣ несвязнаго моего привѣтствія по Французски, начавшагося: *Bon jour mad...* я остановился на какомъ-то Французскомъ куплетѣ — Романсѣ. Графиня не много улыбнулась и показала мнѣ спуль. Я сидѣль уже, но былъ въ какомъ-то безчувственномъ воспоргѣ, и смопря на Графиню, замѣпилъ однакожь, что она, взглядывавши на меня, что-то мнѣ говорила, ибо я сіе примѣпилъ по движенію ея прелестныхъ губъ, но—словъ ея я слышать не могъ, хошя и сидѣль прошивъ нея не болѣе, какъ на два фуса. — Вдругъ сильныя рукоплеска-

нія, вынужденныя одною танцовщицею, пробудили меня, и шепнули мнѣ, что я въ ложѣ и.... съ Графиней Лилейской.... Я хотѣлъ вспасть, но силы мои ослабли. Я хотѣлъ, что - то говорить, но и этого сдѣлать не могъ. Чувства мои волновались и я, схвативъ прелестную руку Графини, едва сказала ей, почти шепотомъ: неужели вы одинъ въ сегодняшнемъ спектаклѣ? — «Почти одна,» отвѣчала она мнѣ улыбаясь, «но братъ мой Графъ, также здѣсь — вонъ видите сидитъ внизу.... Ахъ извините! онъ вышелъ, его нѣтъ».... Графъ почти былъ въ театръ, но выходилъ въ это время, какъ я послѣ узналъ, наградивъ комплиментомъ ту танцовщицу, которой танцамъ всѣ рукоплескали; она была ему очень знакома.... Не много помолчавъ, я опять спросилъ Графиню:

а ваша петушка не изволила прїѣхашь въ спектакль? — »Она хошѣла прїѣхашь, но, можешь бышь, сіе оставила по нѣкопорымъ обстоятельствамъ случившимся въ ея грансь-пасіансѣ!«—Послѣ нѣкопорыхъ разговоровъ, ничего не значущихъ, я наконецъ собрался съ духомъ, а между тѣмъ и піеса кончилась. — Графиня мнѣ предложила выдши прогулятьсѣ до слѣдующей піесы или дѣйствія... Извините, что я все таки не знаю что представляли — да и до того ли шущь!...

Вышедши изъ ложи, мы пошли на темную аллею, по которой и доспигли прекраснѣйшую поляну усаженную разными цвѣтами. Съ сей поляны представились нашимъ взорамъ: на право и на лѣво большія березовыя и сосновыя деревья, вѣтви коихъ могушь служишь зацщшою олтѣ.

солнечнаго зноя; опъ сихъ деревьевъ, взглянувши лѣвѣя, видно глубочайшій ровъ и въ немъ разбросанныя природою небольшія берески, сосенки и болотныя кустики, которые своими зелеными листьями заслѣпляютъ прозрачной ручеекъ, текущій по сему рву и впадающій въ Москву-рѣку; прямо—кристальныя струи Москвы-рѣки съ ея прелесными окрестностями. На одномъ величественномъ берегу сей рѣки видимъ исполнскія зданія, какъ то: Хомовническія казармы — жилище нашихъ храбрыхъ воиновъ, — дома Князей и Графовъ, а въ лѣво опъ сихъ зданій огромнѣйшій Ново-дѣвичій монастырь съ своею высокою колокольнею. Тамъ еще лѣвѣя, на этомъ уже берегу рѣки, усматриваешь и восхищаешься не обозримою рощею сосновыхъ деревъ, шд-

нущеюся чрезъ Воробьевы горы, почти до самаго сада, изъ кошораго мы взираемъ на сіи Романшическія каршины.

Мы начали разговаривать о сихъ Романшическихъ прелестяхъ природы. Графиня увѣряла меня, что она подобныя прелести видала на каждомъ шагу, во время своего путешествія по Швейцаріи. Я напрошивъ того увѣрялъ ее, что у насъ не только въ Россіи, но даже около Москвы можно найти тысячи сихъ прелестей природы; но дѣло въ томъ, что у насъ еще нѣтъ такихъ лихихъ Романшиковъ, которые моглибъ описать всѣ красоты оной. Мы спорили — я утверждалъ, что у насъ есть большіе запасы природы для описателей, но чтобъ выполнить сіе нѣтъ еще Романшиковъ; а Графиня опровергая это, увѣряла

меня, что у насъ уже Романшиковъ много, но только нѣтъ восхищительныхъ красотъ природы. Такимъ образомъ мы все еще спорили: одно, она утверждала, я опровергалъ, другое я утверждалъ, она опровергала, и наконецъ Ея Сіяшество вынужденною пашлась пустишься на доказательство.... но чтожь!... Какія были ея доказательства? — Она мнѣ только дала знать, что болѣе еще ничего не читывала, о семъ предметѣ, о которомъ мы спорили, кромѣ *Кавказскаго плѣнника*, *Марьиной роши* и.... Вдругъ хлопнула ракета—мы вздрогнули, и побѣжали скорѣе къ тому мѣсту, изъ котораго намъ звукъ ея слышался. Это предвѣщало, что скоро начнется еще представленіе.— Входимъ въ ложу, и представше наше удивленіе — мы видимъ великолепнѣйшій

фейерверкъ! Блистающіе его алмазные огни ярко отражались на природныхъ деревьяхъ! Огненные фоншаны появлялись и съ шумомъ исчезали!... И наконецъ — послѣ многихъ перемѣнъ — залпъ ракиръ заключилъ фейерверокъ и сдѣлалъ окончаніе Русскому спектаклю сего вечера.

Я предложилъ Графинѣ оспающіяся еще нѣсколько минушь вечера провести въ саду, наслаждаясь благоуханіемъ Юньскаго вечерняго вѣшера. Мы пошли гулять по саду и начали восхищаться уже не природою, но — сладостными разговорами, лющимися изъ двухъ сердець, понимающихъ другъ друга.... О! пріяшнѣйшія минушы сего незабвеннаго вечера! Вы не изгладитесь изъ моего пылкаго сердца! Вы всегда представляете мнѣ на

яву: шѣ милыя ласки, шѣ поцѣлуи, шѣ
кляпвы. . . .

Восхищаясь душевными прелеспями, мы непримѣпнымъ образомъ дошли почти до одного угла сада. Въ семь мѣспѣ дорожка, по которой мы шли, попянулась излучиной возлѣ рва, проспирающагося въ разныхъ направленіяхъ по саду. Подошедши къ сему мѣспу, насъ какое-то невольное чувство остановило, и мы присѣли на споящую скамью. Лишь только успѣли мы сѣспь, какъ вдругъ вблизи насъ во рву какой-то женскій голосъ произнесъ прагическимъ пропыжпымъ тономъ: «Измѣнникъ. Ты... послѣднихъ словъ мы не могли разслушать, ибо они выговорены были уже слишкомъ драматически и очень тихо. Послѣ нѣкопорого молчанія мы слышали маленькій шорохъ, и кто то му-

жескимъ голосомъ началъ говорить, но только такъ, что намъ ничего не можно было разслушать. Голосъ сего послѣдняго намъ былъ нѣсколько знакомъ, но мы однакожь не могли его узнать, да и то надобно сказать, что намъ не было и большой охоты къ сему любопытству; ибо у насъ между собой продолжался болѣе важный разговоръ; а потому, оставя сихъ героевъ изъясняться между собою, мы встали и пошли далѣе по той же дорожкѣ, которая, извиваясь излучинами, выходить на большую аллею.

Вся природа безмолвствовала и вкушала пишательную для нея низпадающую росу, которая, въ видѣ прозрачнаго шума, орошала благоухающіе цвѣты и величественныя деревья. Только одинъ опдаленный звукъ громкаго ночнаго соловья,

услаждающаго, можешь быть, свою любезную подругу, нарушалъ пищу, царствующую во всемъ саду. Эпѣ прелесни думалъ я, эпѣ величественныя красоты ночной природы, моглибъ меня удержатъ въ семь саду до самаго восхода солнца, а можешь быть, и сдѣлалибъ изъ меня пылкаго Романшика; но я... я былъ съ предметомъ въ тысячу разъ милѣ мнѣ всѣхъ красотъ, какія только моглибъ явиться въ воображеніи Романшика....

Наконецъ я печально взглянулъ на свои часы. Часовая стрѣлка спояла уже на числѣ означющемъ 12. Графиня сказала мнѣ: »Пора, милый мой, ѣхать домой!«— Амуръ понесъ насъ на своихъ легкихъ крыльяхъ къ подъѣзду сада. Богатый экипажъ Графини споялъ уже удверей онаго и ея ѣздовые лакеи дремали, сидя на ска-

мьяхъ при входѣ въ садъ.—Лишь только мы успѣли сказать, чшобъ намъ опворили карешныя дверцы, какъ вдругъ кто-то съ зади закричалъ: »Графиня, Графиня, поспой, вы меня и забыли! « — Графиня невольно вздрогнула; но, оглянувшись, узнала, при свѣтѣ сіяющей луны, что это бѣжишь во весь галопъ ея брашець—двадцатилѣтній Графчикъ.

Мы сѣли вмѣстѣ въ карешу и поѣхали. Графъ дорогою разсказалъ намъ романшическое геройство, по содержанію своему походящее на наше съ Графиней, совершенное имъ вмѣстѣ съ моимъ другомъ, Любославскимъ, который также былъ знакомъ Графу, какъ и я. Любославкій, по увѣренію Графа, еще осмался въ саду на нѣсколько минушь.—Между тѣмъ, мы уже подъѣхали къ крыльцу дома Гра-

фини и—вошь уже въ залѣ, гдѣ проведши нѣсколько минутъ, и опужнавши у Графини, куда поспѣшилъ явиться и Любославскій, я поѣхалъ домой, благодаря друга своего, что онъ мнѣ далъ такой драгоцѣнный случай провести сей вечеръ.

На другой вечеръ я съ Графиней гулялъ также въ прелестномъ саду, но только уже не въ Нескушномъ, а потому и прошу моихъ почтенныхъ читателей меня извинить, что я не могу помѣстить сего моего описанія подъ этой статьей.

IV.

СЦЕНА ВЪ КАБИНЕТѢ РУССКОЙ АК- ТРИСЫ.

(ДРАМАТИЧЕСКАЯ КАРРИКАТУРА)

Актриса. Фу пропасть! какая длинная роль! Ну, можно ли эпо выучить наизусть!...

Служанка. Вѣрно готовише, сударыня, для бенефису?

Ак. Да, Союшка, для бенефису Актеру N.

Служ. О! если не для себя, то можно какъ нибудь!

Ак. То-то вошь и есть, Соля, что ве-

ляпъ всё играшь хорошо, комуь ни было.... Да скажи, не былъ ли кто опъ Князя?

Сл. Кажется, что еще никто не былъ....

Князь, входитъ. Ба! душинька — вы занимаетесь!

Ак. подбѣгаетъ къ Князю и обнимаетъ его. Кой какъ; но скажи, здоровыли вы Князь?... — Какъ не веселы....

Кн. даетъ знакъ служанкѣ, чтобъ вышла. Я! Почему вы это замѣчаете?

Ак. Почему Князь.... Но я такъ спросила!... Садитесь.. прошу васъ!.... (Садятся).

Кн. Ахъ милая! знаешь ли что?—Вѣдь я написалъ новую пiесу и еѣ прицли на Театръ!...

Ак. Не ужели!... Ахъ ты забавникъ!...
Да почемужь прежде мнѣ не сказывалъ!

Кн. Попому, милая, что я хотѣлъ это
сдѣлать тебѣ сюрпризомъ.... и вотъ вамъ
она для бенефису!

Ак. съ большилѣ удивленіемъ. Князь!...
ты ли это!... Князь... Ахъ милый мой!...
чѣмъ могу тебя благодарить!...

Кн. О! какъ безподобно играете вы
передъ мною свою прагическую сцену!...

Ак. Но послушай, Князь, я тебѣ въ
благодарность еще спою! (*Поетъ Арію*
изъ Оперы Русалка:

Приди ко мнѣ въ черпогъ злапой,
Приди о Князь ты мой драгой! и проч).

Кн. Ахъ, какое прелестное пѣніе!...
Жаль, что сію оперу рѣдко играютъ....

Ак. Пожалѣй, Князь, лучше то, что я
её пою не на сценѣ.... Проклятой Авторъ

этой Оперы, почему онъ её не вывелъ на сцену?... я спѣла бы её еще лучше!— вы знаете мой голосъ!...

Кн. О! чудо изъ чудесъ!... Я намѣренъ для васъ написать Оперу, въ которой помѣщу Арію подъ голосъ этой, и вы будите её пѣть на сценѣ!

Ак. О, Князь, я увѣрена.... Но скажите, какую вы написали пѣса для моего бенефису?

Кн. А вотъ она! (*подаетъ рукопись*).

Ак. Ба, да это Опера!... но, если для нее музыка?

Кн. Сочинятъ!

Ак. Кто?

Кн. Разумѣется будемъ, просить *Верстовскаго!*

Ак. О! это будешь прелестъ!

Кн. Но впрочем, милая, какія есть въ ней Аріи и Романсы!...

Ак. гитаеѣ просебя. Всѣ, всё это превосходно!... но, Князь, прошу васъ: попросите Г. *Верстовскаго* чѣобъ онъ написалъ въ моихъ аріяхъ, для первыхъ скрипокъ, рѣлады какъ можно пише... онъ все дѣлаеѣ громко—на манеръ Россини... мы Русскіе и особенно я, знаете, какой имѣю обширный и чистый голосъ!... а его тема сочиненій годится только для нашихъ опѣвѣвшихъ пѣвицъ, но я совсемъ другое...

Кн. О! въ этомъ не безпокойшесь! Онъ намъ напишетъ такъ, какъ слѣдуеѣ — по Бешховенски.

Ак. Но скажите, Князь, когда вы написали эту Оперу?

Кн. шутливо. Спроси лучше, милая, когда будешь гопова музыка!

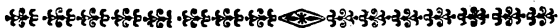
Ак. Эшо, я увѣрена, что будешь гопо-во скоро.... нашъ музыкальный геній извѣстенъ!

Кн. Такъ знай же, милая, что уже и музыка гопова!... Теперь ошъ себя зависишь назначишь день бенефиса!...

Ак. Не ужели!... Ахъ, милый Князь!... Чѣмъ я себя буду благодарить?... Пойдемше въ госпиную и шамъ рѣшимъ сие дѣло!...

(Уходятъ).

V.

ПРИКЛЮЧЕНІЕ ВЪ КРЕМЛЕВСКОМЪ САДУ, ВЪ МОСКВѢ.

(ОРИГИНАЛЬНАЯ БЫЛЬ)

Въ одно утро я вставъ ранѣе обыкновеннаго, одѣлся въ буднешнее плашье и накинувшись плащемъ, пошелъ прогуляться въ Кремлевскій садъ. Это было въ Маѣ мѣсяцѣ. Заря пылала въ полномъ блескѣ и солнце начало уже разроспирать свои огненные лучи, конорые живо отражались на гордыхъ исполинскихъ Кремлевскихъ башняхъ. Я подошелъ къ

саду, уже переходилъ въ него по мостику чрезъ маленькій ровъ, какъ вдругъ взглянувши на право увидѣлъ, что въ немъ встаетъ какой-то человекъ. Вошь уже онъ выходитъ изъ рва и, подходя ко мнѣ, беретъ меня за руку. Я остано-вился опъ ужасу меня объявшаго и съ изумленіемъ началъ смотрѣть на его. — Хотя онъ былъ мнѣ не извѣстенъ, но, при первомъ взглядѣ, лице его показывало, что-то знакомое. Я, вздрогнувши, выдернулъ свою руку изъ крѣпко сжавшей его руки и съ робостію началъ ему говорить:—Вы меня испугали и своимъ пошункомъ кажешесь для меня очень стран-ны. Ничего не отвѣчая на мои слова, онъ только вздохнулъ и, молча, опять хотѣлъ меня взять за руку; но я, испугавшись еще болѣе отскочилъ опъ

него шага на два. Опъ, взглянувши на меня улыбнулся и приподнявъ свою фуражку не много кивнулъ головою, и, подходя ко мнѣ, началъ слѣдующее:—»Я васъ испугалъ, и, можешъ бытъ, показался вамъ очень странымъ, но прошу меня въ семь извинить: этому причину вы могли узнать опъ меня, если только сіе пожелаете.«—Голосъ его мнѣ также казался нѣсколько знакомымъ и я собравшись съ духомъ и, имѣя уже маленькое къ нему любопытство, подавши ему свою руку, сказалъ:—Вы не столько мнѣ кажетесь странны по встрѣчѣ, сколько любопытны по виду вашему, который мнѣ напоминаетъ что-то? — Онъ, взявши меня за руку, предложилъ мнѣ идти съ нимъ въ грошъ.

Пришедши въ гробъ, мы усѣлись на лавочкѣ и начали слѣдующій разговоръ.

Я. Лице ваше напоминаетъ мнѣ что-то знакомое?

Незнакомецъ. Можетъ быть, ибо и вы мнѣ кажешесь такимъ же образомъ.

Я. Случайная ваша со мною встрѣча и вышедшая опъ сего странная сцена, дѣлающъ во мнѣ къ вамъ большое любопытство.

Нез. Любопытство ваше можетъ уничтожиться, когда вы выслушаете мою краткую исторію.

Я. Поставляю себѣ это за удовольствіе; но на перво надѣюсь, что вы мнѣ скажете свое имя и фамилію?

Нез. Мое имя и фамилію?...

При семъ словѣ Незнакомецъ покачалъ головой и помолчавъ не много, продолжалъ:

Нез. Фамилія моя должна скрыться въ неизвѣспности, а имя.... но и оно лучше пусть также оспанеся до времени неизвѣспнымъ....

Я. Какъ! вы не хочете мнѣ сказать вашего имени и фамиліи?

Нез. Милоспивый государь, не удивляйтесь этому; но если имѣете любопытство выслушать мою крапкую исторію и поясненіе той печальной вспрѣчи, которая завела насъ сюда, то слушайте....

Я. Мое величайшее любопытство есть узнать ваше имя и фамилію?

Нез. А мой долгъ это скрывать, ибо съ сею шайною могушь сокрыться неприпныя для васъ напомниманія.

Я. Вы мнѣ опъ сего кажешесь еще болѣе спранными!

Нез. Можешъ бытъ, и неудивительно....
Но замѣньте одно: я васъ очень знаю.

Я. Вы знаете меня!

Нез. Да. Вспомните балъ у Князя
В*** встрѣчу въ Театрѣ.... и анекдотъ
въ маскерадѣ....

Отъ сихъ словъ я оцѣпенѣлъ. Что-то
мнѣ припоминало, но я ничего не могъ
вспомнить. Удивленіе и страхъ объяв-
шій меня въ сію минуту далъ случай мо-
ему Незнакомцу нѣсколько собратъся съ ду-
хомъ и олъ, не много улыбнувшись, на-
чалъ говорить.

Нез. О! молодые люди, молодые люди!
Вы не моглите боротся съ спрастями;
не моглите сносить спокойно даже ма-
ленькія, ничего незначущія прошедшія вос-
поминанія; вы....

Но послѣднее—вы у его остановилось,

и онъ значительно взглянувъ на меня продолжалъ:

Нез. Я въ васъ шеперь уже не сомѣваюсь; вы шопъ самый, кошорый былъ при....

Послѣднiя его слова меня поразили совершенно и я, педавши ему кончить, вскочилъ съ мѣста и вскричалъ: — Ваши слова и взоры на меня обращенные приводяшъ меня въ спрашное смяшенiе. Заклинаю васъ, скажите кшо вы такiе?

Нез. Садись, молодой человекъ, и успокойся.... Я вижу, что вы ~~весьма~~ пылки, робки, по....

Я. Договаривайте, договаривайте, прошу васъ!

Нез. Благородны и, можетъ бышь, невинны.

Я. Боже милосердый! Что значать

сіи слова, сіи догадки, подозрѣнія... или мнѣ все это представляется вѣснѣ?...

Послѣ сихъ словъ я уже болѣе не помню, что говорилъ, ибо сѣвши находился нѣсколько минутъ въ забвеніи. — Когда я пришелъ въ себя, то увидѣлъ уже моего Незнакомца сидящаго на бесѣдкѣ прошивъ гроша. Онъ находился въ глубокой задумчивости, и такъ, что не видалъ, какъ и я къ нему подошелъ. Подошедши къ нему, я сѣлъ возлѣ него и, ударивъ его по плечу, сказалъ: странный человекъ! Онъ сихъ моихъ словъ онъ вздрогнувши вскочилъ съ мѣста. Сіе меня опять весьма удивило. — Первые его слова были: »О! невинное сущесиво—рабъ обольщенія!... И ты такъ случайно, встрѣпясь со мною, представилъ мнѣ, сполько терзающихъ меня воспомина-

ній!... Удались, удались, невинный, и не приводи меня къ краю пропасти!“...

При сихъ послѣднихъ словахъ онъ невольно сдѣлалъ спрашную мимическую каршину, онъ копорой, кажется, должны почувствовать боль всѣ его мускулы. Онъ споялъ неподвижно, успрямя взоры свои внизъ; а я съ удивленіемъ и ужасомъ смотрѣлъ на его. Наконецъ послѣ нѣкотораго, съ обоихъ споронъ, молчанія, онъ выговорилъ мнѣ едва вняшнымъ голосомъ: »Дай руку и будь моимъ другомъ, или... Болѣе я слышать ничего не могъ, ибо онъ, повергнувшись, пошелъ скорыми шагами онъ меня.

Я сидѣлъ погрузившись въ размышленіе, о семъ странномъ человекѣ, до шѣхъ поръ, пока тихій шумъ ѣдущихъ экипажей не привелъ меня въ чувство. Посмо-

прѣвши на часы, я увидѣлъ, что было уже шесть часовъ упра, и потчасъ вставши пошелъ вопъ изъ саду. Идя домой, я опянь впалъ въ невольное размышленіе о случившейся со мною сценѣ, и углубился въ оное такъ, что вмѣстѣ дому пришелъ къ другу моему N. — Пришедши къ нему, я его заспаль пьющаго кофей. — Онъ взглянулъ на меня и съ ужасомъ, вскочивъ съ мѣста, спросилъ: »Другъ мой! ты сильно разстроень, и скажи, что съ тобою сдѣлалось?« — Я удивился, что какъ попалъ къ своему другу, и еще болѣе пришелъ въ удивленіе ошь его словъ. — Посмотрѣвшись въ зеркало, я почно увидѣлъ въ себѣ перемѣну: блѣдность моего лица сіе доказывала. — Мы выпили съ другомъ по чашкѣ кофейю, и я разсказаль ему о всемъ слу-

чившемся со мною въ саду. Другъ мой, слушая разсказъ, сперва смѣялся, а потомъ, когда я его кончилъ, началъ сильно хохотать и, между прочимъ, сказалъ мнѣ, что я разговаривалъ въ саду съ извѣстнымъ ему сумасшедшимъ философомъ В.

Послѣ словъ друга и я вспомнилъ, что это точно былъ попъ, и мнѣ прежде нѣсколько знакомый, В, который недавно сошелъ съ ума отъ каршъ. Онъ былъ весьма ученый человѣкъ, объѣздилъ всю Европу, зналъ весь курсъ Философіи Шеллинга и даже весьма хорошо переводилъ лекціи Кузена.

VI.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ КОМЕДИИ:

ЛИТЕРАТОРЫ. *

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

(Въ кабинетѣ Фитюлькина).

Я В Л Е Н І Е II.

ФИТЮЛЬКИНЪ И ЗАВИРАЕВЪ.

ЗАВИРАЕВЪ *входя.*

Чего изволише, сударь!

Фитюлькинъ.

Я! — Чшо шы говорншь?

---

* Дѣйствующія лица въ селѣ открывкѣ:
Фитюлькинъ, богатый дворянинъ, любитель
Литературы.

ЗАВИРАЕВЪ.

Вы меня изволили зватьъ, по естъ звонили въ свое кабинетное колокольчико....

ФИТЮЛЬКИНЪ.

Помню, помню.... Ну, что скажешь?

ЗАВИРАЕВЪ.

Что изволише спросишь? (*въ сторону*)
Кажется еще не пьянъ, а какой говоришь вздоръ — право забавно! (*обращаясь кланяется*).

ФИТЮЛЬКИНЪ.

Не былъ ли кто у меня, или не спрашивалъ ли кто меня?

Славскій, другъ Фитюлькина, недавно приехавшій въ столицу.

Рецензевскій, Литераторъ, всегдашній пріятель Фитюлькина.

Завираевъ, камердинеръ Фитюлькина.

ЗАВИРАЕВЪ.

На сіи ваши два вопроса, могу вамъ отвѣчать удовлетворительно: былъ, сударь, ешь, сударь, и васъ спрашиваютъ, сударь, по ешь: въ нашей госпоиной, которая окнами въ садъ, изволишь прохаживаться, вашъ другъ, Мопыльковскій.

Фитюлькинъ.

Чтожъ ты мнѣ не сказывалъ раньше?

ЗАВИРАЕВЪ.

Я... я, только что хотѣлъ идти къ вамъ о семъ доложить, какъ въ пужь самую минушу вы меня изволили просить къ себѣ вашимъ колокольцемъ.

Фитюлькинъ.

Хорошо. — Прибери здѣсь лучше, а я иду къ ему. (*Уходитъ*).

Я В Л Е Н І Е III.

ЗАВИРАЕВЪ, *одинъ*, *подходитъ къ столу, на которомъ разбросано множество разныхъ книгъ.*

Хорошо, сударь, приберу! Я доберусь до нихъ! (*роется въ книгахъ*) Фу пропась, какой хламъ! — право чорпъ ногу изломилъ!—А сказашь правду, кажешь, всё денежныя обрезки. (*Взявши одну книгу, смотритъ*) Скажи пожалуйста, любезная книжища, опъ чего вы такъ нравешь моему барину?—А на мой вкусъ: вѣдь въ васъ очень мало проку!... Да и что за вздоръ, иногда мой баринъ, читая эшъ книженки, бываешь очень весель, да-

же смѣется, шупитъ со мной и отъ доски бѣгаетъ по комнатѣ изъ угла въ уголь, что-то напѣвая; а иногда — охъ! Боже упаси! хоть со двора бѣги—сердишься, кричишь, попадаешь ногами, машешь книгою и говоришь, въ пылу своего гнѣва, болѣе: »Я вамъ докажу, узнаете, узнаете....« (*перебирая книги, одни изъ нихъ кладетъ тихонько, а другія бросаетъ*). Ну, какъ не вспомнишь теперъ шу поговорку, одного изъ друзей моего барина, копорую онъ очень часто произноситъ громко и внятно—однакожь въ то время, когда бываетъ чѣмъ нибудь разспроганъ—а именно: »Чтобъ зло пресѣчь, давнобъ надобно всѣ книги сжечь!«—**И** я чуть ли съ нимъ не согласенъ! гляди какая пыль отъ нихъ!... Правду и то скажешь: какъ-то нынѣ и книги то стали луч-

ше: вопшь здѣсь узорчатая обвершка, а шамъвишьепка, картинка, и пому подобное; въ прежнихъ книгахъ эпого не бывало, по ешь, ежели назадъ пому лѣшь десяшь; но мой баринъ на эшь красивыя обвершки не очень смотришь, а всегда швердишь одно: »былибъ хорошія мысли.«— А что шакое хорошія мысли?— Не пойму!— Иногда я шакія переписываю его авпорскаго пера мысли, что со смѣху надсядешься!... а между шѣмъ, какъ онъ надъ эшими же своими произведеніями философшвуешъ, разсуждаешъ и.... *(помолгаебъ)* Да, вопшь что еще мнѣ пало на мысль, шморя на эшь красивыя книги, почему моему барину не понравился недавно купленный романъ: Хлыновскіе степняки? Не понимаю!—Но мнѣ же лучше: ибо мой баринъ имѣешъ шакую привычку, что если

какая ему книга не понравится, то онъ пошчасъ её отдаешь мнѣ, а пошому и эшошъ романчикъ теверь у меня въ рукахъ, въ числѣ книгъ моей библіютеки, которую составляющъ огромные томы шаринныхъ романовъ.... какъ—бишь.... да и гдѣ всѣ припомнишь.. . Но, за всѣмъ шѣмъ, правду скажашъ: эшошъ романъ, шо еспь Хлыновскіе степняки, право очень хорошъ и забавенъ, и я его уже прочишалъ два раза.... Но шо мнѣ удивительно, почему эшошъ романъ читаютъ и имѣютъ всѣ почти мои пріятели, которые также мнѣ сказывали, что будтобы имъ его дарили свои господа?—Я догадываюсь, что Авшоръ сего романа, кажешся, Г. Орловъ не для шого ли пишешъ и печашаетъ свои сочиненія, чтобъ ими дарили нашего брата — Камердинеровъ!... Если эшо такъ, шо

наши господа хорошо дѣлають.... А я давно знаю изъ опыта: что наши господа, то только даряць, что имъ самимъ не пужно; слѣдовательно эпопъ романчикъ, и подобныя ему сочиненія *Орлова*, для ихъ, что называется, не хороши... Впрочемъ я желалъ бы, чтобъ эдакихъ книженочекъ издавали у насъ на Руси по болѣе—право вѣдь очень весело, нашему брату, ихъ читать, не смотря на то, что, помнѣнію моего барина, во всѣхъ сочиненіяхъ *Орлова* слогъ очень грубъ и безграмотенъ, то есть, настоящей народный, или камердинерскій или лакейскій! (*Прибираетъ на столъ все въ порядокъ*). Кажется, я ужь заговорился. (*Увидя, то-то написанное на бумагѣ*). Вотъ эту измаранную бумагу, чуть ли не мнѣ доведется переписывать. (*взявши ее, поспѣшно кла-*

детѣ на столѣ). Но кто-то кажется
идеть.... (Сметаетъ со стола пыль).

Я В Л Е Н І Е IV:

Фитюлькинъ и Завираевъ.

Фитюлькинъ, *подходя къ
столу.*

Что же долго прибираешь?

Завираевъ.

Всё гогово, сударь. Вѣдь всѣ эпѣ книги
содержащъ въ себѣ очень много ума,
а попому и надобно съ ними поступать
оспорожно. (*въ сторону*) Какой умъ—бо-
льше глупостей и вздору!...

Фитюлькинъ.

Шушь! (*Отдаетъ ему бумагу*) Возми

чернилицу и эту бумагу, и снеси въ госпину къ Г. Мотыльковскому; а когда онъ напишетъ записку, по возми её и опощли шуда, куда онъ тебѣ скажетъ.

ЗАВИРАЕВЪ.

Слушаюсь!—Но перышковъ-то надобно взять поострѣе очиненыхъ и поболѣе: Г. Мотыльковскій, я знаю, человекъ самъ острога ума, но я боюсь, чпобъ не было у насъ недоспашка въ перьяхъ, и если онъ будетъ также писать, какъ бывало прежде, то, право, и этой бумаги мало!....

ФИТЮЛЬКИНЪ.

Экой шупъ!—Подишь скорѣе.... Полно болпашь вздоръ....

ЗАВИРАЕВЪ, *взявши бумагу и чернилицу.*

Иду, сударь, сей часъ! (*Отходитъ не*

много и останавливается). Вѣдь ей, ей, мало будешь бумагито-съ!...

Фитюлькинъ, критиѣ и топаетъ ногами.

Дуракъ! — Уйдешь ли?

ЗАВИРАЕВЪ.

Бѣгу, бѣгу, сей часъ! (*вѣ сторону*) **Теперь унеси только и меня Богъ!...**

(Уходитъ скоро)

Я В Л Е Н І Е V.

Фитюлькинъ, одинъ, ходитъ взадъ и впередъ.

**Что за вздоръ?—Неужели это правда!—
И можно ли себѣ предсавить, чтобъ по-**

чши лучшей мой другъ, Смѣльскій, такъ перемѣнился ко мнѣ въ расположеніи? (*помолгавъ*) Это что нибудь да значить?.. (*Останавливается съ размышленіемъ*). Если это точно правда, то я ему докажу свою дружбу: онъ узнаетъ меня! (*прохаживается*) Его журналъ къ чоршу!... Напишу на его такую рецензію, напеча-таю въ Журналъ Лужнискаго и—прощай моя дружба—онъ не будетъ знать ни меня, ни моего дому.... (*оставливается*) Но если онъ злодѣй, обругаетъ меня еще въ своей анпикрипикѣ, то.... (*прохаживается*), что за вздоръ.... Неужели я вструщу?—Нѣтъ, нѣтъ, пустое!—Разругаю, и, разругаю, что называется, Липерапорски — публично!... (*Подходитъ къ столу, садится и хотѣтъ писать, но увидя на столѣ письмо*) Ба, я и забылъ

его. (Беретъ письмо и распечатываетъ,) Это еще, что за новость? (читаетъ про себя.) И это-шо, что называется лучшая дружба? (Перегитываетъ письмо.) Такъ точно, всѣ друзья, но друзья до времени.... (Встаетъ и прохаживается.) Я не понимаю.... и не воснѣ ли мнѣ это представляется? (Глядитъ вокругъ себя и въ верхъ) Нѣтъ, нѣтъ! (Подходитъ къ столу и беретъ письмо.) И по этому письму открылось еще два моихъ непріятеля.... Что за чудо, не ужели Рѣшимовъ и Успорѣльскій совсѣмъ сопли съ ума? Не понимаю.... не могу себѣ представить!... Они, кажешся, были лучшими моими друзьями, и моя спашья, на сихъ дняхъ напечатанная ими въ своемъ журналѣ, не ужели не доказываетъ ихъ ко мнѣ благорасположеніе?... Но это пи-

сьмо (*гитаетъ*): »Просимъ не знашь насъ, и наша съ вами дружба — прекращаешся....« (*Подходитъ къ столу*). Всѣ случившееся со мною сего упра, кажешся мнѣ очень, очень спраннымъ!... Положимъ, что хошя я вчера пѣсколько и худенько сдѣлалъ, поссорившись съ Здравосудовымъ и Шумскимъ; по развѣ они могли, что ли бо сдѣлашь мнѣ вреднаго?—Совсѣмъ ничего!.... Эши люди, что называешся.... но лучше замолчашь.—Впрочемъ я уже распорядился съ ними помиришься и я думаю, что они на сіе и согласяшся....

Я В Л Е Н І Е VI.

Фитюлькинъ и Завираевъ.

Завираевъ, *вбѣгаетъ за-
пыхавшись.*

Ну, сударь, я еще съ роду эшого не видываль, чпо сію минушу, по милоспи вашей, долженъ былъ шерцѣливо высмопрѣшь, выслушашъ и....

Фитюлькинъ, *прерываетъ.*

Чпо, чпо, съ шобой сдѣлалось?—Опять со своими проказами....

Завираевъ, *пятится на
задъ.*

Помилуйте, сударь! Чпо вы, чпо вы! Выслушайте: вашъ другъ Мопыльковскій, клянусь всѣмъ, если не сошелъ еще съ

ума, по ей ей, сей часъ начинаешъ уже сходишь....

Фитюлькинъ.

Что это такое?—Я себя не понимаю!

Завираевъ, *подходитъ ближе.*

Ахъ сударь!—Это вопъ что, но страшно говоришь и ужасно мыслишь о семъ... ну, да, я вамъ сказалъ уже, что вашъ другъ, Мошылковскій, ей Богу, сходишь съ ума и у насъ въ домъ.

Фитюлькинъ.

Что ты Завираевъ! ты не пьянъ ли?

Завираевъ.

Я-съ? — Что вы, сударь!... Помилуй-тесь!...

Фитюлькинъ.

Я не понимаю, чтобъ это такое значило? — Кажешся, мой дуракъ не пьянъ, а

такую чепуху говоришь!... Пойду самъ сей часъ къ Мошылковскому....

(Уходитъ).

Я В Л Е Н І Е VII.

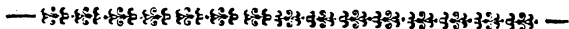
ЗАВИРАЕВЪ, одинъ.

Ахъ бѣсъ побери эшаго Мошылковскаго! Чшо задуракъ такой!... Я съ роду эдакихъ людей не видывалъ!... Не ужели по ихъ, философски, эшо въ порядкѣ: спучашь кулаками о споль, бранишь или хвалишь кого шо, чоршь знаешь, и.... но лучше молчашь, не равно съ моимъ бариномъ ошъ придетъ сюда.... (оглядывается) Но какъ шо бы ни было, а для меня эшотъ Мошылковскій, господинъ ученый, шо есть,

какъ мой баринъ его величаетъ, Липера-
поръ, сущій дуракъ, или (оглядывается),
или, чшобъ шакое, какъбы иначе назвашъ,
человѣкъ самага испорченнаго ума. Эшо
можно доказашъ..., но шущъ его побери
совсѣмъ; я заврался уже.... (Уходя) На-
добно, чшобъ не засшали меня здѣсь.

(Уходитъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

(Зала въ домѣ Фитюлькина).

ЯВЛЕНІЕ V.

Славскій, *одинъ*.

Какъ смѣшно и жалко видѣшь подобныхъ Г. Рѣшимову людей, которые черпають такіе воздушные планы! — Ну можно ли предсавить здравому смыслу, чшобъ Фитюлькинъ выдалъ свою богатую племянницу за такого Ахинелогика, и при всемъ томъ очень бѣднаго, каковъ Рѣшимовъ! — Эшо не возможно!... Поло-

жимъ, что Рѣшимовъ имѣешь нѣсколько таланту въ Липерапурѣ; но что знаешь сей талантъ, когда его будешь употреблять безъ расчёту? — Пустое!... На примѣръ.... но лучше замолчашь.... (*помолгавъ, вынимаетъ изъ кармана поднятую бумагу*) Но это что еще за новость? (*читаетъ*) Bravo! ха, ха, ха!... Какъ прекрасно дурачатъ Фитюлькина!... (*читаетъ еще*) Но оно можешь мнѣ послужить въ пользу.... я самъ сюда пріѣхалъ за симъ же, что и въ этой бумагѣ начертано сдѣлать.... (*съ чувствительностію*) Ахъ! не могу вспомнить безъ особеннаго удовольствія тѣ минуты, тѣ слова, кошорыми наслаждался я въ присутствіе моей милой Лизаньки!... Но если ея дядя, сей коварный ученый, не согласится на мое предложеніе, то что могу я сдѣ-

дать?... Грусть, снѣдаетъ мое сердце даже уже шенерь, при одной только мысли ошказа! чтожь можетъ быть далѣе?... Я.... я.... рѣшусь.... (*принимаетъ веселый видъ*). Но что печалиться прежде времени!... Авось мнѣ удастся счастливѣе Всезнайки и Смѣльскаго, а припомъ же и ихъ проекшы уже у меня въ рукахъ!... И къ чему эти господа, рукосушки, лезуть всё съ знанью родниться? — Жили бы, жили, съ ровнею и былибъ хопя шѣмъ довольны, что иногда, какъ выпные, пьюшь и ѣдять вмѣстѣ съ нашимъ братомъ; а то вѣдь нѣтъ: всё надобно леспи въ родню выше и выше и даже еще съ иншригами и съ оспориваньемъ другъ у друга!... Это очень глупо.... Желаль бы я имъ лучше держаться въ иншригахъ, если еспь на это охота, съ

своими собратіями, шаковыми же какъ они, мелкоправчашыми Липерапорами, копорыхъ нынѣ на Руси расплодилось, благодареніе Богу, довольно!... (*Смотритъ на тасы*) Ахъ, Боже мой! какъ много времени!... шеперь уже пора и закусишь. . . .

Я В Л Е Н І Е VI.

Славскій и Завираевъ.

ЗАВИРАЕВЪ вбѣгаетъ и, не узнавши Славскаго, думаетъ что это Мотыльковскій.

Ай, ай! — Вы уже здѣсь! — Помилуй-

те, вѣдь я васъ пошерялъ!.. *(подходя)*
 Ну, чпожъ пожалуйте записку, я шеперь
 её могу опослать....

Славскій, *обвертывается.*

Что это значить?

Завираевъ, *узнавши от-
 ступаетъ.*

Ахъ, помилуйшесь! — Извините!... Я
 ошибся и думалъ наййти Агафона Михѣе-
 вича Мопыльковскаго, но.... прошу изви-
 нить *(кланяясь подвигается къ дверямъ)*.
 Я сей часъ доложу! *(въ сторону)* Надѣ-
 лаль - было дѣла! *(Уходитъ)*

Я В Л Е Н І Е VII.

Славскій, *одинъ*.

Какъ забавно!... Но я и забылъ спросить о хозяинѣ.... Ахъ, бѣдный Викуль Степановичъ, какъ васъ славно дурачатъ и особенно вашъ другъ Мошылковскій!... А, къ несчастію, и я съ этимъ Мошылковскимъ также познакомился, и боюсь, чтобъ онъ и мнѣ не сдѣлалъ, что либо вреднаго.... (*слушаетъ*). Кто-то, кажешся, идешь....

Я В Л Е Н І Е VIII.

Фитюлькинъ и Славскій.

Фитюлькинъ.

Ахъ! Владиміръ Николаевичъ!... Извини-

ше, что я не могъ къ вамъ вчерась пріѣхашь обѣдашъ. ..

Славскій.

Очень жалѣю! но я надѣюсь, что сего дня....

Фитюлькинъ.

Ахъ, другъ мой, никакъ не лзя!... Нынче прошу кушашь у меня!... Но знаете ли —вѣдь я разсорился съ Здравосудовымъ и Шумскимъ!...

Славскій.

Какъ! въ самомъ дѣлѣ?—Жалко!

Фитюлькинъ.

Прокляшой эшопъ боспонъ: никогда не можно, играя въ его, ободпись безъ ссоры!... Но однакожь я распорядился уже помириться: ибо сего дня назначаю у себя вечер-

нѣй ужипь для всѣхъ, мнѣ змакомыхъ, Липераторовъ, а пошому послалъ уже записки и къ эшимъ господамъ.

Славскій.

Это вы очень хорошо дѣлаете!

Фитюлькинъ.

Но знаешь ли еще что? Липераторъ, другъ мой, Всезнайко, предлагаетъ руку моей племянницѣ, а я уже почти, почти замолвилъ её за Смѣльскаго, но къ сожалѣнію сегодня упромъ услышалъ отъ Мопыльковскаго, что буднобы онъ, Смѣльскій, меня очень худо поносилъ въ обществѣ, такъ называемыхъ, Липераторовъ, а пошому теперь къ спашу, другъ мой, не худо бы мнѣ и съ вами объ этомъ попраковать.... Но замѣшьте, что моя

племянница съ большимъ опцовскимъ имѣ-
ніемъ.

Славскій, съ большимъ
удивленіемъ.

Вы... она... и... Боже мой!...

Фитюлькинъ, беретъ Слав-
скаго за ру-
ку.

Другъ!—Что съ тобою сдѣлалось?...

Славскій, съ недоумѣні-
емъ.

Вы... соглашаешься... рѣшились...
Ахъ!... (Падаетъ на стулъ въ обморокъ).

Фитюлькинъ, испугавшись.

Что это, что это?—Боже мой!—Онъ
въ обморокъ!.. Бѣдный... (кричитъ) По-

дайте спирту, спирту.... Эй ктонибудь....
 Но опъ чегожь это ему шакъ случилось?—
 Кажешся, у меня съ нимъ ничего лишня-
 го не было.... и онъ мнѣ шакже ничего
 неговориль....

Я В Л Е Н І Е IX.

ТѢ ЖЕ, РЕЦЕНЗЕВСКІЙ И ЗАВИРАЕВЪ.

ЗАВИРАЕВЪ, *вбѣжавши со
 спиртомъ.*

Извольше, сударь! (*подаетъ*).

Фитюлькинь, *указывая на
 Славскаго.*

Три скорѣе виски.... (*къ Рецензевскому*)
 А, другъ мой! (*Считится около Славска-
 го*).

РЕЦЕНЗЕВСКІЙ.

Что у васъ за хлопоты?

Славскій, *приходя въ се-
бя.*

Ахъ, Боже мой!...

Фитюлькинъ, *Славскому.*

Другъ мой, *вспань! (Подымаетъ).*

Славскій, *вставая, сла-
былъ голо-
сомъ.*

Сдѣлай одолженіе, прикажи подашь во-
ы!...

Фитюлькинъ.

Пойдемте въ другую комнату!... (Фи-
тюлькинъ и Замираевъ, *уводятъ Слав-
скаго взявши подъ руки).*

VII.

С У Д Ъ Я.

(Анекдотъ).

Одинъ Судья всегда говорилъ своимъ подчиненнымъ: »Не берите взяпокъ, осперегайтесь лихоимства, ибо оно есть вредъ, а живите такъ, какъ я живу.« — Судья сей былъ почно добрый человекъ: онъ взяпокъ не бралъ, лихоимства не зналъ, а жилъ хорошо и приобрѣлъ значительное имѣніе опъ однихъ только подарковъ и сюрпризовъ. — Честный человекъ!

XIII.

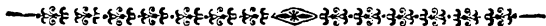
ЖУРНАЛИСТЪ.

(Анекдотъ).

Одинъ извѣстный Журналистъ, всегда въ своемъ Журналѣ, осуждалъ своихъ

собрашовъ, Журналистовъ, въ томъ, что они печатають всё безъ всякой цѣли и разбора. Самъ же сей Журналистъ поспавиль для себя правиломъ всѣму давашь свои обороны мыслей, опъ чего въ его Журналь могли входить спашьи, даже и полувѣковалыя, но только съ шѣмъ, чшобъ они были совершенно обрабошаны на его вкусъ, а опъ эшаго и неудивительно, что въ нихъ былъ величайшій геній безсмыслицы, но нашъ обрабошывашель, сего не зная, своими произведснїями весьма восхищался и даже не рѣдко изподпишка хвалиль ихъ своимъ прїателямъ.— Чшо за писашель—умница!

П О Э З И Я.

І.

И. А. Яковлеву.

Надежда чувствва оживленьє,
 Заставила къ тебѣ писань...
 О! Благодѣтель мой! какое будешь восхищеньє,
 Когда позволишь мнѣ сказаць,
 Одно, иль два словца не болѣ:
 Я вамъ осмѣлился поднесь
 Свой трудъ... но въ вашей волѣ
 Его приняшь, иль бросишь въ нечь.
 О! если къ счастью моему,
 Вы примите его, то признаюсь,
 Чшо восхищенью евому
 Я въ вѣкъ не падивлюсь.

II.

Ө. Ө. К А К О Ш К И Н У .

Любимецъ Галин — сознайся,
 Что ты наперсточникъ музъ!
 И сепь въ тебѣ великій вкусъ —
 Твой Мизантропъ — имъ величайся!

III.

И. А. К Р Ы Л О В У .

Я удивляюся тебѣ, *Крыловъ!*
 Какъ мысли ты крупншь,
 Какъ правы все оспришь,
 И все творишь ты крашкостію словъ!

А. С. Пушкину,

Нашъ *Пушкинъ* молодець!

Для всѣхъ онъ образецъ:

Хоть пишеть мало,

Но за то не вяло.

N. N.

Амуръ здѣсь дышетъ вдохновенья,

Среди друзей своихъ прелесныхъ,

И дѣлнть счастье и радость ихъ волненья,

Дабы желать имъ сокровищъ всѣхъ небесныхъ.

ГУСАРСКІЙ ПИРЪ.

Одинъ гусаръ.

Гусары! бокалъ Шампанскаго кипишь!
 Ну, чтожь друзья, пора его намъ пишь!
 Глядите, какъ прекрасно искры бьются
 И, чунь, чунь, вопъ черезъ край не льются.

Друзья! прошу еще васъ разъ
 Опорожнише бокалы всѣ пошчасъ!
 А шамъ начнемъ мы веселишься
 И своими побѣдами хвалишься.

Толпа гусаръ.

Ура! ура! ура! нашъ другъ!
 Мы за пивое здоровье вынемъ вдругъ!

Одинъ.

Друзья! еще въ бунылкахъ много
 И я палю, и прикажу преспрого:
 Чтобъ вы скорѣе изъ бокаловъ пили,
 И чтобъ веселы всѣ были.

ТОЛПА

Ура! ура! ура! Мы пьемъ, мы пьемъ!
И веселиться всѣ начнемъ!

VII.

ВОЛШЕБНЫЙ ДОЛНЕТЪ.

Сидитъ Писашель въ кабинетъ
И видитъ онъ въ долнетѣ:
Какъ мысли кругъ его лепашутъ
И умъ его всё разбивашутъ.
Онъ вздрогнувши вспасть съ мѣста
И долнету говоритъ: ты братецъ не у мѣста.
Лишь смошрѣшь въ его онъ переспалъ,
То иногда и мысли потерялъ.

Потомъ идетъ—сидитъ на диванъ
И кличетъ онъ слугу: Спешанъ, Спешанъ!
Лодайко, братъ, Бургонскаго бокаль,
Да смотришь не выпей самъ, нахаль.

Слуга къ нему несеть и подаеть,
 А онъ беретъ и въ восхищенья пьеть;
 А памъ уже и съ умомъ снова дружишься
 И съ мыслями вздумалъ помириться.

Вспраетъ съ дивана и идетъ
 И по приказу онъ Бургонскаго поётъ:

Я пойду въ кабинетъ,
 Посмотрю я въ лолнешъ....
 Не увижу ли что,
 Написаиъ бы чего...
 Но я дружокъ вѣдь ума,
 То хотъ напишу романа два;
 Вотъ и будетъ мнѣ,
 Издашь ихъ въ Москвѣ;
 И если кто хочеть прочестъ,
 То онъ долженъ счестъ,
 Что за сн двѣ книженки
 Надо дать свои деньжонки.
 И вотъ приходишь въ кабинетъ,
 Садитя въ креслы,
 Беретя за лолнешъ
 И начинаетъ свои жесы:

Смогрипшь и видипшь вдали
 Кучу романовъ въ пыли;
 Вспаешъ, идешь, берешъ
 И изъ нихъ Онгина неспешъ.
 Садипся и чипашъ
 И въ восхищеніи мечпашъ:
 О я! о я! хопъ не Пушкипъ я,
 А напишу — прочтешъ меня,
 Потому что назову,
 Въ подражаніе ему,
 Какимъ пибудъ Евгениемъ
 И въ эпомъ поручуся своимъ гениемъ.

ХІІІ.

ПОРТРЕТЪ УЧЕНАГО ПО МОДЪ.

(Подражаніе Лорду Байрону).

Изъ всѣхъ наукъ, какія есть,
 Къ повѣйшимъ языкамъ приспращенъ;
 Пощупками измѣривъ честь,
 Къ порокамъ общимъ не причасенъ.

Умомъ анпическимъ важень,
 Великодушіемъ сплетъ;
 Въ рѣчахъ своихъ онъ былъ отваженъ,
 Двумысленъ — вѣчно важенъ.
 Онъ и Лашинъ довольно зналъ
 И панерь посперъ весь читалъ;
 И говорилъ онъ въ Греческомъ едва,
 Онъ Альфы даже до Омеги,
 Зналъ Азбуку, какъ дважды два.
 Нѣмецкій, Англійскій любилъ,
 И въ корень такъ узналъ онъ ихъ,
 Чпо Аналогію онкрылъ
 Большую очень въ обонхъ.
 Въ ученъ вдавнись далеко,
 Онъ зналъ мусе весьма легко:
 Выговоръ, хопъ и имѣлъ изъяны,
 А Французскіе романы,
 Хотя не изъ охоты, по неволѣ,
 Онъ читалъ — такъ, чпо же болѣ!
 Умѣлъ писатъ спѣхи;
 Но ихъ читатъ — бѣда.
 Они противъ Поэзіи грѣхи,
 А эпо не легко бываспъ иногда.

Средижъ глубокнхъ думъ
 Являлъ всегда изящный умъ,
 И иногда, воспаряя до небесъ,
 Онъ былъ, какъ чудо изъ чудесъ!

IX.

АПОЛЛОНЪ ВЪ ПРОСАКЪ.

Аполлонъ, счастливецъ музы,
 Когда-то сыгравъ онъ вздумалъ на Парнасъ шутку,
 Для этого взошелъ онъ въ пещеры узы:
 Съ Юпитеромъ, Венерою и наконецъ уже расширо-
 нлъ свою дудку;

Начало сдѣлано, пошла работа,
 Друзей, прілипелей явилось пѣмя,
 Да дѣло въ помъ, на всѣхъ пришла зѣвота,
 И Аполлонъ, вздремнувши, не позабылъ едва,
 Что онъ играеть роль, какъ дважды два
 Забавника весельчака и — просто дурака!

ДРУЖЕСКІЙ РАЗГОВОРЪ.

Я вздумалъ некогда спросить
 Пріятеля, идя съ нимъ вмѣстѣ,
 Чемъ же думаете? — Какъ съ пѣмъ бышь,
 Кто очушится въ Императорномъ пѣстѣ,
 То есшь, когда ученый потерляшь:
 Свой умъ, ученость, званье
 И вдругъ вступишь онъ въ подрящъ
 Писашъ въ журналы за почтение,
 Ну да: за ужинъ за обѣдъ,
 За ассигнацію, сюрпризъ,
 А иногда даже и за нѣщъ,
 Съ Парнаса, чшобъ не съѣхашъ въ нѣщъ.
 Пріятель отвѣчалъ:
 Ты спрашишь кажешься мнѣ много!
 А я же спорилъ, упвѣрждалъ,
 Чшо судишь могу не только много, но даже строго.

ЖУРНАЛЬНЫЯ МЫСЛИ.

Хорошіе Журналисты у насъ рѣдки,
 Но за то они имѣютъ стрѣлы метки:
 Начнутъ ли критику, полемнику ль пишутъ —
 Мыслей премножество и всюду льются,
 Да вопль бѣда, что сами то начашъ,
 О кромѣ критики, ничего не собраушъ!
 Они оповѣщаютъ мы указашъ умѣемъ,
 А сами сдѣлашъ, пока, еще не смѣемъ.

XII.

КЛАССИКАМЪ.

Дивлюсь, дивлюсь, я вамъ премного,
 Почтенны, милы старички!
 Вы все знаете и судите преспрого;
 Но позвольте дашъ миѣ вамъ щелчки!

Вашъ курсъ ученья не вапшупку,
 Но уже смѣшонъ онъ свналь для пѣхъ,
 Которые не зная, что подь спару дудку
 Вы спараесть подвсепь паланпы всѣхъ.

ХІІІ.

М Н Ъ Н І Е.

Иные говорятъ,
 Что Ломоносовъ спаръ;
 Другіе же пвердятъ,
 Что Сумароковъ вляъ.
 Пустьъ буденъ шакъ;
 А я скажу — по моему
 Судитъ умѣетъ всякъ,
 Но доказатъ не удаеся никому!

ПѢНІЕ ПТИЧКИ.

(Романсъ).

Пой, пой, птичка,
 Пой, пой, милая моя;
 На тебя смотря всегда,
 Какъ счастливъ бываю я!

Въ твою пѣніи пріятномъ
 Забываю грусть свою,
 И съ голосомъ, мнѣ внятнымъ,
 Свои радости пою.

Но что пою—одни мечтанья,
 И съ психой лирою въ рукахъ,
 Я чувствую одни желанья
 И съ ними пахожуся въ облакахъ.

МѢЛКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

1.

Скажице, млыс,—что значить вашъ ученый свѣтъ?
 Я признаюсь, что въ немъ ей, ей, вѣдь проку нѣтъ!
 Вотъ новоспѣ, отвѣчаютъ, что намъ прокъ,
 Лишь былъ бы для невеждъ урокъ!

2.

Вамъ удивительно и странно,
 Что я какъ въ Авторы попалъ?
 Но вспомните, что какъ я важно
 Науки многія узналъ!

3.

У насъ Авторовъ премного;
 Журналисты судятъ строга;
 Да вотъ бѣда — читаютъ мало,
 Отъ чегожь? Всѣ пишутъ вло!

4.

Такой-то вотъ Зоиль журнальный,
 Прекрасный человекъ, сказалъ пріятель мой.
 Я вѣрю, милый мой; но опъ пакой —
 Стыжусь сказать — весьма пахальный!

5.

Спѣсь умница, сесприца лѣни,
 Всегда садится вмѣстѣ съ нею на колѣни,
 И больше къ пѣмъ невѣждамъ,
 Которые обязаны надеждамъ.

6.

Дивлюсь премного я,
 Какъ люди умничашь умѣюшъ,
 И что имъ пользы величашь себя —
 Чинами, когда ихъ не разумѣюшъ.

7.

Одинъ сказалъ мудрецъ:
 Вотъ я ужъ наконецъ
 Достигъ своей идеи!
 Посмотрите что — одинъ чашен!

Учены споряпть много,
 А иногда и очень строга;
 Но должно ошгадань, о чемъ? —
 Ей, ей, часпенько — не очемъ!

XVI.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

И наша милая Словесность,
 Для всѣхъ снаповишся въ извѣспность.
 Писателей же Русскихъ рошы,
 Уже гошоваптся на шпурмъ западной Европы!
 Смирптесь *Шиллеръ, Валтеръ Скоттъ, Гете!*
 Объ васъ ужъ похвалы намъ надобли въ свѣпть.
 Взгляните на одно: какіе еспъ уже у насъ романы!
 Хошя и въ нихъ пайдуща маленьки изъяны;
 Но вспомните, что даже иногда

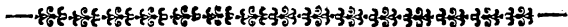
Бываетъ очень мутна и вода! . . .

Намъ остается еще только сдѣлать шагъ

II. . . . но, извините, мнѣ пора окончить *Альма-
нахъ!*

К О Н Е Ц Ъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

СОДЕРЖАНІЕ АЛЬМАНАХА.

	<i>Стран.</i>
Посвященіе	3
Проза:	
I. Сужденіе объ Альманахъ, (сцена въ кабинетъ Автора).	5
II. Визиты въ Новый годъ, (Каррикатурная современная сцена).	17
III. Прогулка въ Нескучный садъ съ Театромъ, (Отрывокъ изъ описаній Романтическихъ прогулокъ по окрестностямъ Москвы).	24
IV. Сцена въ кабинетъ Русской Анприсы, (Драматическая каррикатура).	45
V. Приключеніе въ Кремлевскомъ саду, въ Москвѣ (Оригинальная быль).	51
VI. Отрывокъ изъ комедіи: Липсерапоры, ...	62
дья, (Анекдотъ).	91
Журналистъ, (Анекдотъ).	—

	Поззіл:	Стран.
I.	И. А. Яковлеву	93
II.	Ө. Ө. Кокошкину	94
III.	И. А. Крылову	—
IV.	А. С. Пушкину	95
V.	N. N.	—
VI.	Гусарскій пирь	96
VII.	Волшебный лодичень	97
VIII.	Портретъ ученаго по модѣ, (Подражаніе Лорду Байрону).	99
IX.	Анолонъ въ просакъ	101
X.	Дружескій разговоръ	102
XI.	Журнальныя мысли	105
XII.	Классикамъ	—
XIII.	Мѣвнїе	104
XIV.	Пѣвнїе птички, (Романсъ)	105
XV.	Мѣлкїя спиховоренїя	106
XVI.	Заключеніе	108

